

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Путь отъ Музлеха до Вирсава.

9. *Среда.*

Ночь въ Музлехѣ я провелъ не спокойно отъ назрѣванія нарыва на ногѣ и утромъ всталъ, какъ разслабленный. Было свѣжо. Надъ нами висѣли сырыя облака, а на восточномъ небосклонѣ кое-гдѣ просіявала чистая лазурь. Начались сборы въ походъ. Верблюды подъ налагаемыми на нихъ ношами ревѣли ужасно: а я кряхтѣлъ отъ недуга и боялся, какъ бы онъ не остановилъ меня на день, или два, въ безлюдной пустынѣ. Боязнь есть сила. Она иногда придаетъ намъ рѣшимость и отвагу большую. Увлеченный этою силою, я рѣшился идти цѣшкомъ и приказалъ Шеху ѣхать медленнѣе. Караванъ мой потянулся. Иду позади

его, хромая, отстаю и мучусь. То жажда томить меня, то силы мои изнемогаютъ. Молюсь, бодрюсь, крѣплюсь, бреду. Устаю и ницъ лицомъ бросаюсь на землю. Поднимаюсь, и опять тащусь, и опять ложусь при дорогѣ. Разныя насѣкомыя и ящерицы сгоняютъ меня съ мѣстъ. Не сержусь на нихъ, оставляю ихъ въ покоѣ и опять иду, разминаюсь, разгорячаюсь и перестаю чувствовать боль. Манновый посошокъ Синайскій помогаетъ мнѣ идти равновѣснѣе. Въ пути посошокъ—хорошій дружокъ.

Когда на ходу утихъ мой недугъ; я присѣлъ на верблюда и держался на немъ, то опираясь руками о сѣдло, то прижимаясь къ нему здоровою ногою. Горбунъ мой шагаль широкою, но легкою поступью. Скоро показалась впереди моя дружина. Я догналъ ее на рубежѣ долины Ес-Серамъ. Тутъ мы поднялись на небольшую, круглую привысь, обставленную меловыми холмами и называемую Расъ—Серамъ, и, минуя чрезъ тридцать, сошли въ эту долину. Она широка и тамъ—сямъ вспахана. Изъ нея, налѣво и не далеко отъ дороги, видны были развалины на высококомъ холмѣ. Проводники назвали ихъ Одже и говорили, что тамъ есть глубокая систерна и множество раз-

рушенныхъ зданій. Недугъ помѣшалъ мнѣ обозрѣть ихъ. Что тамъ было? Филистимскій городъ Герары? Римское укрѣпленіе Ебода? Христіанское селеніе? Не знаю. Глазъ видѣлъ остатки жилья человѣческаго; но умъ не вѣдалъ: кто тамъ жилъ, веселился, страдалъ и пролилъ горькія слезы на прахъ раззоренной отчизны. Послѣ Серамской долины пройдены были нами: Уади ель-Биренъ, гдѣ пастухи поили своихъ овецъ и козъ хорошею водою изъ колодцевъ, Уади Хафйръ, Уади Абу-Роое, и Уади ель-Абіадъ. Когда мы приблизились къ сей послѣдней долинѣ; всѣ наши проводники начали бросать камни на одну придорожную могилу. По распросѣ оказалось, что тутъ погребенъ какой-то скверный Шехъ Ель-Амри Абуль-Фсусъ. Переводчикъ мой не понялъ хорошо, почему всѣ Бедуины питаютъ презрѣніе къ памяти сего человѣка и мечутъ камни на могилу его, и сказалъ мнѣ только, что онъ былъ злой и что данное ему прозваніе Абуль-Фсусъ(*) весьма гнушно. Я подумалъ: и Бедуины изрѣкаютъ свою анаѣму злымъ людямъ и выражаютъ ее по своему. Долина Абіадъ простирается отъ востока къ западу, гдѣ и впадаетъ въ Уади ель-Аришъ.

(*) Оно значитъ: отецъ помета.

Окрестности ея песчаны и взволнованы. На привсыяхъ, выпуклинахъ и буграхъ песчаныхъ растутъ мелкіе кустарники. Всѣ они покрыты были бѣлыми улитками. Здѣсь мнѣ стало крайне тяжело; и я едва едва дотащился до ближней долины Рхайбе, гдѣ и принужденъ былъ ночевать близъ какихъ-то развалинъ.

10. Четвертокъ.

Вчера страданія мои были не малы, а сегодня увеличились еще болѣе. Вчера я могъ кое-какъ держаться на верблюдѣ, а сегодня принужденъ былъ идти пѣшкомъ. За часъ до общаго похода одинъ Бедуинъ повелъ меня впередъ. Бреду и вижу: въ долинѣ Рхайбе у самой дороги налѣво стоитъ малое, каменное зданіе грубой работы, безъ створчатыхъ дверей, безъ оконъ, но съ куполомъ похожимъ на тупую половину яйца. Любопытство завело меня внутрь его и ничего, кромѣ мусору, не нашло. Тутъ погребенъ былъ какой-то мусульманскій святоша. Напротивъ сего надгробнаго памятника, по другую сторону дороги, разметана сторожевая, либо заѣзжая храмина, которая когда-то тщательно складена

была изъ тесаныхъ камней. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея лежатъ развалины цѣлаго города, или слободы. Еще видны основанія малыхъ домовъ, а индѣ, и куски стѣнъ ихъ. Каждый домъ имѣлъ свою систерну для скопленія дождевой воды. Тамъ—сямъ валяются обломки карнизовъ и приземистыхъ колоннъ,—единственные остатки отъ общественныхъ зданій. Неизвѣстно исторически: кѣмъ и когда построена была эта селитва, и какъ она именовалась. Нынѣшнее названіе, Рхайбе, напоминаетъ Библейское имя, Рехобѣтъ, данное Исаакомъ одному колодезцу, который онъ ископалъ во владѣніи царя Герарскаго, Авимелеха, (Быт. 26, 22) около сего мѣста. Но такъ какъ въ Ветхозавѣтномъ писаніи нигдѣ не сказано, что у сего колодезца Евреи построили городъ, да и изъ списковъ семеній и городовъ въ книгахъ Иисуса Навина, Эздры и Нееміи, не видно, что бы здѣсь когда-нибудь жили Израильтяне; то построеніе Рхайбской слободы надобно приписать Идумеямъ, которые въ бытность Іудеевъ въ плѣну Вавилонскомъ заняли южную границу св. земли, начиная отъ Хеврона, и ниже. Эта слобода, по всей вѣроятности, возникла въ сіе время, процвѣла же въ вѣка владычества Египетскихъ Птолемеевъ и

Римлянъ въ Палестинѣ и Аравіи, когда сухопутная торговля съ Индіею шла чрезъ Элу (Акабу), Петру, и Газу. Ибо Рхайбе стоитъ на пути между сими городами: и нынѣ Бедуины поворачиваютъ въ Газу изъ этой долины. Какъ Идумеи называли эту слободу,—Рхайбе, или иначе: это неизвѣстно. Раззорили же ее магометане Аравитяне въ то время, когда ими завоевана была Палестина, именно, въ седьмомъ вѣкѣ по рождествѣ Христовѣ. Думаю, что въ это время они соорудили видѣнную мною надгробную часовню въ память какого-нибудь храбраго воителя, или святоши своего, убитаго при взятіи здѣшней слободы.

Отъ ея развалинъ я пошелъ впередъ. Скоро нагналъ и перегналъ меня караванъ мой, получивъ приказаніе остановиться въ Елузѣ, до которой надлежало идти часа три, или четыре. Онъ скрылся изъ виду. А я съ шехомъ Хсеномъ долго тащился по слѣдамъ его, и едва едва добрелъ до назначеннаго мѣста уже въ концѣ десятаго часа. Тамъ мнѣ приготовлена была постеля въ палаткѣ. Навсладчайшимъ показалось мнѣ отдохновеніе послѣ утомительнаго пѣшешествія. Впрочемъ изнеможеніе мое было такъ велико, что я не могъ заснуть. Растворенная дверь моей палат-

ки была обращена къ колодцу, находящемуся въ мелкой котловинѣ межъ пологихъ береговъ дождеваго потока, называемаго Уади Ел-Каласа. Тутъ пастухи поили овецъ и длинноухихъ козъ, и сидѣлъ одинъ старикъ, склонивъ голову на грудь. Видно было, что онъ страдалъ. По распросѣ оказалось, что змія ужалила его ногу. Страдалецъ попросилъ у меня лѣкарства. Я присовѣтовалъ ему омыть рану и прикладывать къ ней табачную смолу изъ чубука, слыхавъ въ Египтѣ, что она служитъ цѣлебнымъ противуядіемъ. Старикъ тотчасъ исполнилъ мой совѣтъ и, казалось, успокоился.

Отдыхъ въ теченіи шести часовъ укрѣпилъ мои силы. Я приказалъ выючить верблюдовъ и пошелъ смотрѣть развалины Елузы (Каласы). Онѣ близъ колодца занимаютъ большое пространство, но крайне обезображены и разметаны. Гдѣ стояли общественныя зданія, тамъ лежатъ куски колоннъ и карнизовъ, и кучи тесаныхъ камней: а гдѣ были частныя дома, тамъ видны однѣ основанія ихъ. Систернъ нѣтъ. Стало быть, жители пользовались водою изъ колодца. Она хороша.

Въ ветхозавѣтномъ писаніи нѣтъ ни слова объ Елузѣ. Посему надобно думать, что сей городъ,

какъ и Рхайбе, построенъ былъ Идумеями, или во время, или послѣ плѣна Вавилонскаго. Географъ Птоломей, жившій въ первой половинѣ втораго христіанскаго вѣка, числилъ его между городами Идумей и помѣщалъ на западъ отъ Мертваго моря. А на Певтингеровой таблицѣ разстояніе его отъ Іерусалима на югъ измѣрено 71-юою милею Римскою. Въ Елузѣ было епископство. Здѣсь св. Иларіонъ видѣлъ, какъ язычники и Сарацины совершали празднество въ честь Венеры, или утренней звѣзды. Здѣсь въ домѣ епископа преподобный Нилъ Синайскій нашелъ своего сына Θεодула, взятаго въ плѣнъ и продавнаго Арабами. Здѣсь блаженный Антонинъ мученикъ на пути въ Синай (около 600 года) останавливался въ гостинницѣ св. Георгія. Въ здѣшней лаврѣ спасался Авва Викторъ затворникъ, который говорилъ одному брату, смущенному безпечностію: «малодушные тотчасъ смущаются малою безпечностію и думаютъ, что они уже крайне нерадивы: а крѣпкіе душею чѣмъ болѣе искушаются, тѣмъ болѣе радуются.» Магометане раззорили Елузу въ седьмомъ вѣкѣ; и съ тѣхъ поръ она не возникала изъ своихъ развалинъ.

Въ половинѣ пятаго часа по полудни поѣздъ

мой двинулся изъ Елузы. Я побрелъ за нимъ пѣшкомъ въ надеждѣ дойти до Вирсаве въ началѣ ночи. Обманчива была моя надежда. Скоро ослабѣли мои силы въ пути. Какъ я ни бодрился, но не могъ идти болѣе трехъ часовъ, и за рубежомъ Уади Мартаба приказалъ шеху остановиться на ночлегъ на первомъ лучшемъ мѣстѣ. Онъ довелъ насъ до Уади Эръ-Руэхи и тутъ учредилъ нашъ станъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДЕНЬ ВЪ ВИРСАВѢ.

11. Пятница.

Къ утру отъ припарки мнѣ сдѣлалось легче. Въ обычный шестый часъ присные мои отправились въ Биръ-Себу (Вирсаве) съ наказомъ поставить тамъ шатры на самомъ лучшемъ мѣстѣ: а самъ я съ однимъ Бедуиномъ тихонько пошелъ по слѣдамъ ихъ и разминаясь, бодрясь, крѣпясь, прибылъ въ станъ, расположенный на темени холма по сю сторону зимняго потока Вирсавійскаго. На часахъ моихъ значилась половина девятого. Священныя воспоминанія о Вирсаве и желаніе осмотрѣть это любимое мѣстопребываніе Авраама, Исаака и Самуила, побудили меня провести тутъ день и ночь. Въ путешествіи нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ побыть на такомъ мѣстѣ, котораго исторія восходитъ почти къ первымъ